

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УДК 343.7

DOI: 10.18287/2542-047X-2018-4-2-9-16

Р. А. Ромашов*

СООТНОШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, УГОЛОВНОГО ЗАКОНА, УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ «ВОЛНОВОЙ ТЕОРИИ» Э. ТОФФЛЕРА

Автор излагает понимание феноменов «преступление» и «преступность» и особенностей уголовной политики на различных этапах становления и развития отечественного уголовного права. В качестве концептуального основания сравнительного анализа перечисленных категорий автор предлагает избрать «волновую теорию» Э. Тоффлера, в соответствии с которой человечество в своем историческом развитии попадает под влияние трех волн, каждая из которых является этапом цивилизационного развития и не зависит от национально-культурных особенностей той или иной социальной общности, а также от формы государственного устройства и политического режима. «Волны Тоффлера» подразделяются на сельскохозяйственную, индустриальную и информационную. В рамках каждой волны претерпевают качественные трансформации все общественные отношения, от устройства семьи до базовых оснований государства, права, экономики. Россия на всех этапах своего развития тяготела к первой волне – «культуры земли», в рамках которой право представляло собой возведенную в закон волну представителей государственной бюрократии. В современных условиях наблюдается практически одновременное воздействие на политико-правовую систему индустриальной и информационной волн, что, с одной стороны, предопределяет возможности перехода государственно-правовой системы России на более высокую ступень цивилизационного развития, а с другой стороны, повышает опасность деструктивных изменений, связанных с «волновой несовместимостью».

Ключевые слова: государство, право, преступление, преступность, уголовная политика, волновая теория Э. Тоффлера, уголовное законодательство, нормативный правовой акт, криминальный мир, правоохранительная система, правоохранительные органы, государственная идеология.

1. Постановка проблемы. Уголовная политика – управленческая деятельность государства в сфере профилактики преступности; уголовного преследования; уголовного правосудия; исполнения уголовно-правовых наказаний и ресоциализации осужденных.

Взяв за основу дальнейших рассуждений вышеприведенное определение, следует постараться ответить на ряд вопросов:

- что такое преступление и преступность?
- меняется ли представление о преступлении и преступности на различных этапах политико-правового развития?
- как соотносятся уголовная политика, уголовное законодательство и преступность?

Из содержания действующего Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) следует, что, во-первых, современный российский уголовный закон – это действующий УК РФ; во-вторых, преступлением признается виновно совершенное общественно опасное и противоправное деяние, ответственность за которое предусмотрена в действующем уголовном законе (в УК РФ). В отличие от преступления, представляющего уголовно-правовую (законодательно определенную и закрепленную) категорию, преступность – объект изучения криминологии.

Говорить о преступности и формирующих ее преступлениях следует как в объективном (абстрактном), так и в юридико-социологическом

*© Ромашов Р. А., 2018

Ромашов Роман Анатольевич (romashov.roman2016@yandex.ru), кафедра уголовного права и криминологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

(статистическом) аспектах [2, с. 55а–63; 5, с. 103–107; 9, с. 156–160].

В качестве явлений объективной реальности преступление (акт поведения человека) и преступность (социальное явление) возникают одновременно с зарождением государства и права. «Криминальный мир» является «правовым антимиром», который определяется легальным государственно-правовым миром как его нелегальный антипод. В таком понимании можно и нужно говорить о преступлении и преступности как об обязательном сущностном признаке государственно-правовой системы. Соотношение государства и преступности определяется их конкурентной борьбой. Не будучи способными окончательно уничтожить друг друга, названные социально-культурные феномены вынуждены сосуществовать. При этом их взаимодействие осуществляется как в конфликтных, так и в консенсуальных формах.

Рассмотрение преступности в юридико-социологическом аспекте предполагает:

- наличие нормативного правового акта, закрепляющего общее понятие преступления, виды преступлений, а также ответственность за их совершение;
- наличие специализированной правоохранительной системы, в которой органы и должностные лица наделены функциональными правомочиями в области выявления, пресечения, расследования преступлений;
- наличие специализированной системы исполнения уголовных наказаний;
- наличие социологических средств и технологий, обеспечивающих достоверную оценку состояния преступности и эффективности государственных мер по противодействию данному виду правовой девиации.

В качестве следствий перечисленных формально-логических оснований выступают такие положения как:

- преступление в формально-юридическом понимании – неотъемлемая часть уголовного права;
- позитивное уголовное право получает свое формальное выражение в действующем уголовном законодательстве;
- не является преступлением деяние, не закрепленное в качестве такового в действующем уголовном законодательстве. При этом законодательному закреплению подлежат как отдельные виды преступлений, так и общая дефиниция преступления как вида социального поведения;
- нельзя признать человека виновным в совершении преступления вне установленной законом процедуры и во внесудебном порядке;
- наказание, установленное за преступление, не может быть применено к виновному вне установленной законом процедуры.

Общий вывод: преступление как юридическое явление не существует вне формально-правового поля [10, с. 205].

Как уже ранее отмечалось, говорить о преступлении и преступности в плане объективной реальности можно с момента возникновения государства и права. В частности, анализ содержания «Русской правды» позволяет выделять такие виды уголовно-правовых запретов, как: убийство – «если убьет муж мужа» (ст. 1); нанесение телесных повреждений – «если кто будет избит до крови или до синяков» (ст. 2); злостное хулиганство – «если кто кого-либо ударит палкой, жердью, ладонью, чашей, рогом или тылом оружия» (ст. 3); преступления против собственности – «если кто возьмет чужого коня, оружие или одежду» (ст. 12) и др. [1]. Вместе с тем рассматривать вышеперечисленные деяния в качестве преступлений в современном понимании этого термина нельзя. Архаическое уголовное право, основанное на обычаях («законе отцов») и княжеской воле («правде»), в современном – формально-юридическом – смысле уголовным законодательством не является. Соответственно, мы можем говорить о преступлении и преступности как об объективной, но не юридико-социологической реальности. Точно так же, как применительно к законам природы, следует говорить о существовании объективных закономерностей, скажем гравитации, и открытии с последующим обоснованием и формальным закреплением научных законов закона всемирного тяготения.

2. «Волновая теория Э. Тоффлера» – методологическое основание понимания преступления, преступности, уголовной политики. Для того чтобы привести дальнейшие рассуждения о соотношении феноменов преступления, преступности, уголовной политики к логической последовательности, на мой взгляд, целесообразно воспользоваться «волновой теорией» Э. Тоффлера, в рамках которой выделяются три этапа (волны) цивилизационного развития человечества [11, с. 6–261]. Каждая из «волн» качественным образом меняет мир человеческих отношений, оказывая мощное преобразующее воздействие, в том числе на состояние «криминального мира», столь же подверженного трансформационным изменениям, что и «легальный» политико-правовой мир.

Первая волна влечет за собой формирование «сельскохозяйственной цивилизации» – культуры земли. Для данного типа характерно восприятие общества и государства по аналогии с личным хозяйством (поместьем). Общество представлено двумя основными социальными группами: традиционной семьей и феодальным государством. Малое и большое отечества представляют собой землю, на которой проживают и к которой «прикреплены» формальными и неформальными связями подданные своего отца (государя). Семья выполняет большинство социальных функций (воспитание, образование, социальное обеспечение, медицинское обслуживание и т. п.), главной из которых является поддержание связи поколений и передача семейной традиции – «закона отцов».

Государство воспринимается как некий абстрактный порядок, в котором есть строгий, но справедливый «Царь-батюшка» и чиновники, скрывающиеся от государя правду и управляющие от его имени угнетенным народом при помощи воплощенной в законе «кривды». Отражением такого отношения к закону является известная русская пословица: «Закон, что дышло, куда повернул, туда и вышло».

В условиях «культуры земли» отсутствует система права и законодательства в современном их понимании. Правовые нормы получают внешнее выражение в обычаях и властных велениях представителей государственной власти. При этом и в том, и в другом случаях отсутствует как унификация и стандартизация в понимании тех или иных явлений, так и их систематизация. Иными словами, в этот период можно и нужно говорить о существовании отдельных преступлений и наказаний за них, но нельзя говорить об общем понятии преступления, равно как и о существовании в государстве специализированных структур, осуществляющих борьбу с преступностью, уголовное правосудие, а также исполнение уголовных наказаний. Право вообще и уголовное право в частности – это либо передающаяся от поколения к поколению табуированная традиция, опирающаяся в своей содержательности и функциональности на безапелляционное суждение: «Так было всегда и так будет всегда. Отцы наши жили по этому закону, мы живем, и дети наши так жить будут», либо возведенная в форму государева указа бюрократическая воля, в своей реализации всецело зависящая от лица, ее (волю) провозглашающего. В качестве преступления при таком подходе могут выступать в равной степени как правонарушение, так и аморальный либо богопротивный поступок.

На смену сельскохозяйственной цивилизации «культуры земли» приходит волна, несущая индустриальную цивилизацию, «культуру конвейерной технологии». Земельная собственность (поместное хозяйство) вытесняется собственностью на капитал (работающий в целях получения прибыли (прибавочной стоимости) материальный либо финансовый ресурс). Традиционная семья с ее практически нулевой мобильностью сменяется семьей нуклеарной, состоящей из супругов и небольшого количества детей (1–3). Отношения между поколениями, основной задачей которых было сохранение семейной традиции («закона отцов»), сменяются отношениями внутри поколений, при этом «культура детей» фактически отрицает «культуру отцов». Феодалное государство kingdom – владение государя – меняется государством state – публичным порядком общественной организации и политической власти. Право как возведенная в закон воля государя постепенно уступает место закону – технологии общественного устройства и публичной власти, исходящему от всего государственно организованного сообщества и адре-

сованного каждому из его членов, в том числе и представителям государственной бюрократии, включая высшее должностное лицо государства – президента. Индивидуальная власть государя, реализуемая через многофункциональный «двор», трансформируется во власть специализированных корпораций, включенных в единый социо-политический конвейер. Основными принципами общественной организации становятся стандартизация, унификация, профессионализация, иерархизация. Индустриальная волна вносит в человеческую цивилизацию такие новации, как система профессионального высшего образования, прикладная наука, широкомасштабное промышленное производство, урбанизация, социальная мобильность. В мире, где растут городские промышленные центры, эксплуатирующие «оторванный от исторических корней» и лишенный материально-финансовой собственности люмпен-пролетариат, неизбежным следствием урбанизации и индустриализации становятся криминализация общественных отношений и появление организованной преступности. Практически одновременно со структуризацией преступности появляется государственная правоохранительная система (профессиональная полиция, прокуратура, суд), а также государственная система исполнения наказаний (тюрьма). При этом и семья, и государственная бюрократия, и бизнес-структуры, и организованная преступность представляют собой сегменты индустриальной культуры. Они встроены в общий конвейер, где каждый технологический цикл не имеет самостоятельной значимости и вместе с тем существует некая общая циклическая (замкнутая на себя) технология социально-политического развития. Наличие перечисленных факторов позволяет говорить о формировании государственной уголовной политики, целью которой являлись профилактика и борьба с преступностью, осуществление уголовного правосудия и исполнение уголовных наказаний.

«Третья волна» влечет формирование информационного общества, в рамках которого национальное государство перестает быть главенствующим субъектом политико-правовых отношений и монополистом в области формирования и реализации уголовной политики, уступая место наднациональному порядку digital state.

Наряду с национальным уголовным правом, в рамках которого преступлением является только то деяние, которое закреплено в качестве такового в действующем уголовном законе (уголовном кодексе), формируется самостоятельная система международного уголовного права, оперирующая такими понятиями, как «международное преступление» и «международная преступность», а также использующая международные механизмы уголовного преследования, уголовного правосудия и уголовной ответственности.

Влияние «третьей волны» влечет изменение подходов как к структурно-содержательной характеристике феноменов «преступление» и «преступность», так и к форме, содержанию, механизму реализации уголовной политики. В основу понимания феномена «преступление» в рамках информационной культуры положен такой признак, как социальная опасность (вредность) противоправного деяния, его направленность против общечеловеческих ценностей, основной среди которых являются неотъемлемые права человека как личности (право на жизнь, свободу, достоинство, равенство, собственность и др.). Международное сообщество и международное право обладают приоритетом по отношению к национальным государствам в вопросах юридической квалификации деяний индивидуальных и коллективных субъектов, а также в сферах определения видов и мер юридической ответственности и ее реализации. В качестве примера можно привести Нюрнбергский трибунал над руководством нацистской Германии за преступления, совершенные в ходе II мировой войны. Трибунал отверг оправдания подсудимых в связи с совершенными ими злодеяниями в виде ссылок на то, что они действовали в рамках существовавших на тот момент законов, что квалифицироваться в качестве преступления может только деяние, предусмотренное в государственном уголовном законе. Таким образом, уже в середине XX в. был создан прецедент, в рамках которого международное право и процесс доказали свой преимущественный характер по отношению к национальному законодательству.

Появление глобального мирового информационного пространства «Интернет» обусловило не только возникновение новых видов преступлений и, как следствие, новых средств и методов противодействия криминальной деятельности, но и вызвало необходимость переосмысления концептуальных основ государственной и межгосударственной уголовной политики.

В ситуации, когда размывается такое ключевое для национального государства понятие, как «государственный суверенитет», усиливается значение межгосударственных правоохранительных структур, антикриминальная деятельность которых выходит за рамки государственной субординации и регламентируется международно-правовыми нормами. Кроме того, возникает необходимость выработки качественно новой парадигмы уголовной политики, определяющей основные положения и принципы антикриминальной деятельности в условиях когда виртуальная (информационная) реальность, не отменяя материальную (вещную) природу объекта правового регулирования, начинает рассматриваться в качестве «параллельного мира», оказывающего существенное влияние на сознание и поведение субъ-

ектов и права и в силу этого нуждающегося в специальном правовом регулировании.

3. Генезис уголовной политики российского государства в контексте «волновой теории Э. Тоффлера». Россия на всех исторических этапах представляла и представляет государство, в рамках которого противопоставляются аппарат государственной власти, в своей организации и функционировании «замкнутый» на личности главы государства (царя, императора, генерального секретаря ЦК КПСС, президента), и общество, являющееся по отношению к государственной бюрократии объектом властного воздействия. При этом лидер российского государства нередко ассоциируется с отцом семейства, что позволяет говорить о российской цивилизации как о «культуре земли», в которой сильны национальные традиции (преемственность поколений и др.) и где право вообще и уголовное право в частности представляют собой возведенную в закон волю государства, а точнее тех людей, которые выступают от его имени и олицетворяют собой государственную власть.

Начальный этап становления государственной уголовной политики в условиях Российской империи связывается с реформационными преобразованиями Петра I.

В 1715 г. в Санкт-Петербурге учреждается Главная полиция. Генерал-полицмейстером был назначен генерал-адъютант Девиер. Первоначально штат полиции состоял из заместителя генерал-полицмейстера, 4 офицеров и 36 нижних чинов. Полиция не только следила за порядком в городе, но и выполняла ряд хозяйственных функций, занималась благоустройством города – мощением улиц, осушением болотистых мест, уборкой мусора и т. п.

В 1782 г. публикуется «Устав благочиния, или полицейский» – прообраз современного Закона о полиции.

8 сентября 1802 г. Манифестом Александра I утверждается «Учреждение министерств», в соответствии с которым создается МВД. Первоначально полиция в структуру МВД не входила.

В 1810 г. формируется Министерство полиции, к ведению которого отнесен комплекс вопросов, связанных с обеспечением внутренней государственной безопасности.

В 1819 г. Министерство полиции включается в структуру МВД. С этого времени данная структура приобретает собственно полицейский (уголовно-административный охранительный) характер, действующий вплоть до настоящего времени.

В 1836 г. создается Отдельный жандармский корпус (прообраз современной ФСБ).

В 1845 г. принимается Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, по сути своей представляющее первую кодификацию уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права.

В Уложении впервые дается определение преступления. Это «всякое нарушение закона, через которое посягается на неприкосновенность прав власти верховной и установленных ею властей, или же на права или безопасность общества или частных лиц, есть преступление».

В Уложении осуществляется дифференциация уголовных и исправительных наказаний. Основной целью первых являлась кара преступника, вторые были ориентированы на возможное исправление и ресоциализацию лица. При этом социальная неоднородность общества предполагала деление осужденных на благородных (изъятых от наказаний телесных) и простых (не изъятых от наказаний телесных).

В 1861 г. отменяется крепостное право, а в 1864 г. утверждается судебная реформа, предусматривающая глобальную модернизацию судебной системы.

В 1879 г. в составе МВД выделяется Главное тюремное управление.

Таким образом, можно констатировать, что в качестве системного комплексного политико-правового образования государственная уголовная политика Российской империи сформировалась во второй половине XIX в.

В своем «окончательном» состоянии система управленческой деятельности в уголовной политике включала в себя МВД (в структуре которого выделялись общеуголовная полиция и политическая полиция (жандармерия)); судебную систему (в том числе суды присяжных и мировые суды); прокуратуру и адвокатуру. Правоохранительная система императорской России была сугубо внутригосударственной. Вместе с тем наличие в Империи национальных образований – Царства Польского, Великого Княжества Финляндского, национально-территориальных образований в Средней Азии и на Кавказе – обусловило сочетание общегосударственных норм и национальных традиций в процессе осуществления правоохранительной деятельности, в том числе в сфере реализации уголовной политики.

Разрушение Российской Империи повлекло за собой структурно-функциональную трансформацию государственной правоохранительной системы. «Пролетариат, завоевавший в Октябрьскую революцию власть, сломал буржуазный государственный аппарат, служивший целям угнетения рабочих масс, со всеми его органами, армией, полицией, судом и церковью. Само собою разумеется, что та же участь постигла и все кодексы буржуазных законов, все буржуазное право» [6].

На смену царской полиции пришла рабоче-крестьянская милиция, первоначально объединявшая полицейские (правоохранительные) и военные функции. Борьбу с контрреволюционным «белым» террором призваны были вести органы ВЧК. Судебную деятельность на первых этапах становле-

ния советской власти осуществляли революционные трибуналы, члены которых в своих решениях ориентировались не на формальное (материальное и процессуальное) право, а на революционное правосознание и «классовое чутье».

Победа в Гражданской войне и стабилизация советского строя обусловили определенную логическую последовательность в структурировании и функционировании правоохранительной системы.

Переход от политики революционной целесообразности к социалистической законности обусловил градацию преступности на две основные составляющие: общеуголовную и политическую [8]. Борьбу с уголовной преступностью осуществляла милиция, входившая в структуру МВД. Борьбу с политической – органы ВЧК (ГПУ), получившие в советской России организационно-функциональную обособленность.

Установление федеративной формы государственного устройства повлекло за собой внедрение двухуровневой системы уголовного законодательства. На федеральном уровне действовали «Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик», регламентирующие общие положения советского уголовного права. В свою очередь, в союзных республиках принимались республиканские уголовные кодексы, а уголовное правосудие осуществляли суды республиканского подчинения. Еще одной особенностью, касающейся нормативно-правового обеспечения советской уголовной политики, являлось включение в систему уголовного законодательства федеральных подзаконных актов, устанавливавших, помимо уголовных кодексов, ответственность за совершение преступлений. В частности, Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации» закрепляло следующую норму:

«1. Приравнять по своему значению грузы на железнодорожном и водном транспорте к имуществу государственному и всемерно усилить охрану этих грузов.

2. Применять в качестве меры судебной репрессии за хищение грузов на железнодорожном и водном транспорте высшую меру социальной защиты – расстрел с конфискацией всего имущества и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией имущества».

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» устанавливал, что

«1. Кража, присвоение, растрата или иное хищение государственного имущества – карается заключением в исправительно-трудовом лагере на срок от семи до десяти лет с конфискацией имущества или без конфискации».

Таким образом, система советского уголовного законодательства включала в себя в качестве структурных элементов федеральные рекомендательные акты (Основные начала уголовного законодательства); федеральные неcodифицированные законодательные и подзаконные акты (указы ПВС, постановления ЦИК и СНК); республиканские уголовные кодексы. При этом функцией уголовного законотворчества обладали органы законодательной (ПВС) и исполнительной (СНК, ЦИК) власти [7].

Послевоенный период развития советского государства и права, был связан с корректировкой политического курса, связанной с критикой «культ личности И. В. Сталина». Определенная либерализация в политической сфере предопределила изменения в структуре и функциональной направленности правоохранительной системы.

Прежде всего было продекларировано отсутствие в СССР политической (равно как и организованной) преступности. Таким образом, изменилась правоохранительная функция КГБ, переключившегося с противодействия политической преступности на борьбу с преступлениями против социалистического государства и государственной собственности.

В своем «окончательном» варианте советская правоохранительная система была представлена следующими структурными элементами:

– МВД (ОВД) – с функциями противодействия преступности, обеспечения общественного порядка, безопасности дорожного движения, противопожарной безопасности, миграционного контроля, контроля за оборотом наркотиков, исполнения уголовных наказаний, пресечения внутригосударственных конфликтов;

– КГБ – с функциями противодействия преступности, охраны государственной границы, внешней разведки и контрразведки;

– Прокуратурой – обеспечивающей противодействие преступности, а также осуществляющей надзор и контроль за соблюдением законности в государственной и общественной деятельности;

– Судебной системой (народными судами) – осуществляющей правосудие по уголовно-правовым и гражданско-правовым делам.

– Адвокатурой – с функцией защиты субъективных интересов участников уголовного и гражданского процесса;

– Нотариатом – с функцией обеспечения частных правовых интересов физических и юридических лиц.

Как видно из приведенного перечня, функции противодействия преступности в СССР осуществляли три структурных подразделения правоохранительной системы (МВД, КГБ, прокуратура), что нередко являлось причиной для возникновения внутрисистемных противоречий и конфликтов [3, с. 71–78].

Разрушение СССР было обусловлено кризисом государственной коммунистической идеологии и

социалистической хозяйственной системы. Российская Федерация, провозгласив приверженность к общечеловеческим демократическим ценностям, вместе с тем унаследовала от советской системы командно-административный тип регулирования общественных отношений, характерный в первую очередь для «культуры земли». Право в формальном смысле обладает верховенством над государством, однако в реальности продолжает оставаться инструментом претворения в жизнь волюнтаристских установок представителей высшей государственной бюрократии. В отличие от уголовного законодательства СССР, объединявшего широкий круг законодательных актов, уголовное законодательство современной России представлено единственным источником – действующим Уголовным кодексом, который в условиях социально-политической нестабильности претерпевает постоянные изменения, что, в свою очередь, предопределяет перманентную изменчивость уголовной политики Российского государства.

Еще одним фактором, предопределяющим непоследовательность уголовной политики, является структурно-функциональная противоречивость в организации правоохранительной системы. Правоохранительная система современной России находится в стадии становления, обусловленной переходным состоянием российской государственности.

В качестве структурных элементов современной российской правоохранительной системы следует выделить:

– 3 министерства – МВД, МЧС, Минюст;

– 6 федеральных служб – ФСБ, ФСО, ФСИН, ФССП, Федеральную фельдъегерскую службу, Федеральную службу войск национальной гвардии;

– Генеральную прокуратуру;

– Следственный комитет;

– Судебную систему (Конституционный Суд, Верховный Суд, конституционные и мировые суды субъектов РФ);

– Адвокатуру;

– Нотариат;

– Внутригосударственные правозащитные организации (третейские суды, медиаторские компании, общество защиты прав потребителей, общество солдатских матерей и т. п.);

– Международные правозащитные и судебные организации (ЕСПЧ).

Как видим, структура правоохранительной системы современной России приобрела более расширенный по сравнению с имперским и советским аналогами структурный состав. Говоря об эффективности правоохранительной деятельности, следует отметить, что возникает достаточно много противоречий в области разделения предметов ведения и процессуальных полномочий МВД, ФСБ, СК. Кроме того, проблемной является область со-

отнесения международного права и национального законодательства в области обеспечения и защиты прав человека и гражданина, которые в соответствии со ст. 2 Конституции России объявляются основной ценностью. Безусловно, столь масштабное расширение аппарата правоохранительной системы обусловило ее бюрократизацию и ослабление внутрисистемного взаимодействия. Вместе с тем эти и многие проблемы являются неизбежными «болезнями роста», свойственными любой системе в период ее становления. Правоохранительная система современной России, равно как и действующее уголовное законодательство, являясь важнейшими структурными составляющими уголовной политики российского государства, в целом выполняют возложенные на них функции и обеспечивают внутреннюю безопасность государства и общества от преступных проявлений [4].

Библиографический список

1. Документ «Русская правда». URL: <http://diletant.media/articles/34303536> (дата обращения: 23.04.2018).
2. Елифанова Е. В. Российская уголовно-правовая наука о понятии преступления // Журнал российского права. 2008. № 4 (136). С. 55–63.
3. Камалова Г. Т. Теоретические основы становления советской модели правоохранительной системы // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4–4. С. 71–78.
4. Малько А. В., Синюков В. Н., Нырклов В. В. Правоохранительная система современной России: соотношение и стратегия развития // Современное общество и право. 2011. № 1. С. 41–50.
5. Папышева Е. С. Криминалистическая характеристика и модель преступления: соотношение понятий // Уголовное право. 2009. № 3. С. 103–107.
6. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР: утв. Постановлением Народного комиссариата юстиции РСФСР от 12 декабря 1919 г. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901870462> (дата обращения: 23.04.2018).
7. Савелов О. П. Уголовное законодательство об ответственности за преступления против собственности в советский период // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 8. С. 162–168.
8. Сакаев А. И. Система видов наказаний по уголовному законодательству России советского периода // Мониторинг правоприменения. 2013. № 1. С. 16–34.
9. Серова Е. Б. К вопросу о криминалистическом понятии преступления // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 2. С. 156–160.
10. Ромашов Р. А., Пеньковский Е. В. Философия права и преступления. СПб.: Алетейя, 2015. 344 с.
11. Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. 784 с.

References

1. Dokument «Russkaia pravda» [Document «Russian Truth»]. Available at: <http://diletant.media/articles/34303536/> (accessed: 23.04.2018) [in Russian].
2. Epifanova E. V. Rossiiskaia ugovolno-pravovaia nauka o poniatii prestupleniia [Russian criminal law science on the concept of crime]. Zhurnal rossiiskogo prava [Journal of Russian Law], 2008, no. 4 (136), pp. 55–63 [in Russian].
3. Kamalova G. T. Teoreticheskie osnovy stanovleniia sovetskoi modeli pravookhranitelnoi sistemy [Theoretical bases of formation of the Soviet model of the law enforcement system]. Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta [Izvestiya of Altai State University Journal], 2008, no. 4–4, pp. 71–78 [in Russian].
4. Mal'ko A. V., Sinyukov V. N., Nyrkov V. V. Pravookhranitelnaia sistema sovremennoi Rossii: sootnoshenie i strategii razvitiia [Law-enforcement system of modern Russia: correlation and development strategy]. Sovremennoe obshchestvo i pravo [Modern society and law], 2011, no. 1, pp. 41–50 [in Russian].
5. Papyшева E. S. Kriminalisticheskaia kharakteristika i model prestupleniia: sootnoshenie poniatii [Forensic characteristics and model of crime: the relationship of concepts]. Ugolovnoe pravo [Criminal Law], 2009, no. 3, pp. 103–107 [in Russian].
6. Rukovodiashchie nachala po ugovolnomu pravu RSFSR. Utverzhdeny Postanovleniem Narodnogo komissariata iustitsii RSFSR ot 12 dekabria 1919 g. [Guiding principles on the criminal law of the RSFSR. Approved by the Decree of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR dated December 12, 1919]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/901870462> (accessed 23.04.2018) [in Russian].
7. Savelov O. P. Ugolovnoe zakonodatelstvo ob otvetstvennosti za prestupleniia protiv sobstvennosti v sovetskii period [Criminal legislation on liability for crimes against property in the Soviet period]. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii [Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2010, no. 8, pp. 162–168 [in Russian].
8. Sakaev A. I. Sistema vidov nakazanii po ugovolnomu zakonodatel'stvu Rossii sovetskogo perioda [The system of types of punishments under the criminal legislation of Russia of the Soviet period]. Monitoring pravoprimeniia [Monitoring of Law Enforcement], 2013, no. 1, pp. 16–34 [in Russian].
9. Serova E. B. K voprosu o kriminalisticheskom poniatii prestupleniia [On the issue of the criminalistic concept of crime]. Probely v Rossiiskom zakonodatel'stve [Gaps in Russian legislation], 2009, no. 2, pp. 156–160 [in Russian].
10. Romashov R.A., Pen'kovskiy E.V. Filosofii prava i prestupleniia [Philosophy of law and crime]. SPb.: Aleteiia, 2015, 344 p. [in Russian].
11. Toffler E. Tret'ya volna [The Third Wave]. M.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999, 784 p. [in Russian].

*R. A. Romashov****INTERRELATIONS BETWEEN THE CRIME, CRIMINAL LAW AND CRIMINAL POLICY
WITHIN E. TOFFLER «WAVE THEORY» CONTEXT**

Author analyzes different approaches to the «crime» and «criminality» phenomenon understanding and criminal policy during formation and development of the Russian criminal law. He proposes E. Toffler «wave theory» as a basis of comparative analysis. According to this theory there were three waves of civilization's progress in the history of mankind, which were independent of society's national and cultural characteristics or political structure and regime. There were agricultural, industrial and informational «Toffler's waves». Within each wave's framework all social links from family to state, law and economy foundations are transformed. During all periods of its history, Russia was inclined to the first wave, the Earth culture. According to it the will of the state bureaucracy became a law. We can see simultaneous affection of the second and the third wave onto political and law system in contemporary world. It predetermines both possibility of advancing Russian state-law system on the higher level of civilization development, also rises the destructive changes linked with «wave incompatibility» danger.

Key words: state, law, crime, criminality, criminal policy, wave theory of E. Toffler, crime law, statutory act, criminal society, law enforcement, law-enforcement authority, state ideology.

* *Romashov Roman Anatolievich* (romashov.roman2016@yandex.ru), Department of Criminal Law and Criminology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.